

*Посвящается папочке
и Рейчел К.*

Пролог

У соленой воды и крови один и тот же вкус.

Она не задумывалась об этом, пока не начала тонуть: кровь хлестала из раны на виске, а море хлынуло ей в рот.

И у того, и другого теплый, резкий привкус.

И то, и другое грозило поглотить ее.

В темноте она различает, как волны бьются о борт яхты, слышит отчаянный спор где-то сверху. Несколько мгновений назад этот спор был для нее важен, но сейчас ее волнуют лишь головная боль, покалывание от соли и дискомфорт в груди.

В каком-то смысле легче отпустить ситуацию. Позволить неизбежному случиться.

Разве не этим она занималась все время? Разве не это привело ее, запутавшуюся, тонущую и одинокую, сюда, в уединенное местечко посреди Тихого океана?

Она делает глубокий вдох.

Она чувствует боль, когда вода заполняет легкие, в которых должен быть воздух.

Но боль сменяется чем-то вроде умиротворения. Теперь все позади. Все это.

Ее затягивает все глубже.

Ей не спастись.

Вплоть до Второй мировой войны остров Мероэ был наиболее известен благодаря кораблекрушению, которому он обязан своим названием. Моряки корабля его величества «Мероэ» были брошены на острове более чем на пять месяцев, и после горстка выживших в конце концов предстала перед английским судом за убийство своих товарищей по команде. Слухи о каннибализме, подробности которого сочли слишком ужасными, чтобы раскрывать их в газетах, сопровождали тот судебный процесс. Только одному из восьми выживших, лейтенанту Тронтону, был вынесен смертный приговор. Его повешение вызвало интерес у многотысячной толпы, включая таких светил того времени, как лорд Байрон и Дж. М. У. Тернер. Остров Мероэ стал мрачной страницей в анналах морской истории вплоть до 1940-х годов, когда стратегическое расположение сделало его полезным для союзных войск в Тихом океане. С тех пор он был более или менее заброшен, хотя в последние годы снискал популярность у более авантюрных путешественников.

*Скрытые истории,
Traveler's Press,
2010*

СЕЙЧАС

Глава 1

Иногда я задаюсь вопросом: люди в отпуске действительно думают, что они пребывают на другой планете?

Или, может быть, в другом измерении?

Иначе я не знаю, как объяснить все то дерьмо, которое я лицезрела все шесть месяцев работы на курорте «Халеакала» на Мауи. И я говорю не только о тех странностях, которые вполне можно ожидать, — о загорелых парочках, спрашивающих, не хочу ли я «составить им компанию позже вечером»; о группках женщин, одетых в одинаковые майки с надписью «ДОБЫТЧИЦЫ!», но тратящих несколько тысяч долларов на текилу и вступающих из-за этого в драматичную перепалку в лобби-баре; или о придурковатых парнях с Уолл-стрит, которые на столике в ванной оставляют наркотики, а потом обвиняют горничную, которая убирала номер, в том, что они принадлежат ей.

Все это были лишь досадные неурядицы, которые я в конечном счете так или иначе решала, но я говорю о по-настоящему безумных ситуациях, например, когда парень предложил дать мне двести долларов, если я съем целый ананас у него на глазах (я этого делать не стала), или когда пожилая женщина потратила все свои сбережения на недельный отдых, заказывая фильмы для

взрослых и бесконечное количество картошки фри в номер (честно говоря, ей это пошло на пользу). А еще был случай, когда я пришла убирать комнату, в которой проживали несколько парней из студенческого братства, и обнаружила там концентрические круги мочи по всему ковру (чей-то отец в итоге заплатил за замену ковра после того, как я предоставила руководству фотографии в качестве доказательства причиненного ущерба).

И вот мы плавно подходим к сегодняшнему дню, когда я стою посреди люкса «Макай» и пялюсь на гору секс-игрушек, разложенных на кровати, и размышляю о том, какое место этот случай займет в топе отвратительных, ненормальных и вызывающих вопросы ситуаций.

— Твою мать, — бормочет рядом Майя, она все еще держит в руках влажные полотенца. — Это как Стоунхендж, но из фаллоимитаторов.

Я фыркаю, натягивая перчатки.

— Если честно, то я вижу тут только два — ладно, нет, три — фаллоимитатора. Вот это, — я указываю на ярко-розовую игрушку справа, — вибратор, а эта фиолетовая штука... Не знаю, что это такое, но она им, видимо, пригодились. Они явно прекрасно проводят время на острове.

Майя качает головой, возвращаясь к тележке с бельем. Она ниже меня ростом, и юбка униформы у нее ниже колен. Любая другая выглядела бы в этой одежде неряшливо, но только не Майя. Она похожа на сексуальную актрису из сериала на телеканале CW, которая просто соизволила сыграть горничную.

— Я не против того, чтобы люди хорошо проводили время, Лакс. Просто иногда мне кажется, что они забывают, что кто-то помимо них рано или поздно увидит это дерьмо.

— Или они хотели, чтобы мы увидели это дерьмо, — возражаю я, доставая из своей тележки пакет с логотипом отеля. — Может, они так развлекаются.

— Отвратительно. — Она содрогается всем телом, а я беру розовый вибратор и бросаю его в пакет.

— Ханжа.

— Чудачка, — пожимает плечами Майя, прежде чем скрыться в ванной. Я улыбаюсь ей и возвращаюсь к своему занятию.

Майя новенькая в «Халеакала», начала работать только в прошлом месяце, и хотя она мне очень нравится, у меня такое чувство, что через пару недель она уволится. Я работаю здесь достаточно долго, чтобы понять, что обслуживающий персонал, как правило, делится на три категории: долголетки, дамы, которые проработали здесь лет десять и будут работать еще тридцать; ребята из разряда «это временно, но я здесь уже год», и, наконец, девушки, похожие на Майю, которые думают, что работать на пятизвездочном курорте будет весело, не слишком утомительно и здесь можно прилично заработать.

Предполагалось, что я буду в третьей категории, но спустя шесть месяцев кажется, что я все же попаду во вторую.

На Гавайи я приехала ради парня — понимаю, это звучит глупо, — но мне кажется, что любая женщина, которую Нико Йоханнсен пригласил на Мауи, тут же купила бы билет на самолет.

И, кроме того, дело было не только в нем самом, но и в том, что он предлагал. Возможность путешествовать, пуститься в плавание под парусом вокруг света, шанс наконец-то посмотреть мир.

Настоящее приключение.

— Жизнь мечты, — бормочу я, растерянно глядя на кровать и не зная, что делать дальше. Может стоит разложить игрушки на полотенце на полочке в ванной, как мы раскладываем кисточки для макияжа?

Внезапно я ловлю себя на мысли, что все, чего я хочу, — это уволиться. Сорвать с себя униформу, бросить тележку для уборки, уехать с курорта и вернуться домой.

Но где теперь мой дом?

Технически я живу в крошечном домике на ранчо на южной стороне острова. Мы с Нико делим жилище с двумя парнями, с которыми он работает в *марине**, и их девушками. У нас там нет даже отдельной комнаты — мы спим на матрасах, которые на ночь расстилаем в гостиной. В доме постоянно пахнет солью и солнцезащитным кремом, а простыни всегда немного влажные и шершавые. На шестерых приходится две ваннные комнаты, где мокрые купальники сушатся на карнизе душевой, а полотенца покрыты маленькими пятнышками плесени, потому что в этом месте, кажется, ничто полностью не высыхает.

Предполагалось, что домом станет яхта Нико «Сюзанна».

Даже думать об этом больно; я представляю ее в сухом доке с чертовой огромной дырой в корпусе. Нико пригнал яхту из Сан-Диего после того, как мы познакомились, и я прилетела сюда, чтобы встретиться с ним. Билет в один конец, вся моя жизнь была упакована в чемодан и рюкзак.

Но когда я добралась до Ваилуку, то узнала, что не только двигатель «Сюзанны» сломался во время переезда, но и на пристани, куда Нико доставил яхту для

* Гавань, специально оборудованная для яхт и прочих маломерных судов, где предоставляются различные услуги (*прим. пер.*).

починки, в результате несчастного случая, когда ее снимали с прицепа, корпус был пробит, а на ремонт у Нико не было средств.

Поправка: Нико не стал просить денег на ремонт. У его семьи денег предостаточно — у них своя огромная юридическая фирма, занимающаяся делами по возмещению ущерба, судебными тяжбами и прочим дерьмом, — но Нико хочет ворваться в большой мир на своих условиях.

И все было бы замечательно, если бы его упрямство не разрушало наш план и не вынуждало меня торчать на этой работе, убирая секс-игрушки незнакомцев.

— Может быть, это судно проклято, — сказала я ему как-то вечером, уткнувшись в его теплую и пахнущую солью шею, когда мы лежали, прижавшись друг к другу, на матрасе, а дождь барабанил по жестяной крыше.

— Может, все дело в тебе, — пробормотал он в ответ. — С незапамятных времен считается, что не к добру пускать женщину на борт.

— А может, дело в том, что ты придурок? — парировала я, но он только рассмеялся и поцеловал меня, и в тот момент наш небольшой и покрытый песком матрас показался не таким уж плохим.

Нико умел мастерски отвлекать меня от проблем, его неизменный оптимизм вытаскивал меня из круговорота беспокойства и сомнений. Его не волновало будущее, и если какой-то навязчивый голос в голове говорил, что Нико и *не нужно* беспокоиться о таком дерьме, потому что я всегда все делаю за него, я просто не обращала на него внимания.

По крайней мере я пыталась.

Как бы там ни было, до «Сюзанны» и Гавайев я жила в Калифорнии, но я никогда не чувствовала себя там как дома. Мы с мамой переехали туда из Небраски, едва мне

исполнилось двенадцать, а когда она умерла одиннадцать лет спустя, я просто осталась в Сан-Диего, потому что не могла придумать, куда еще поехать.

Сейчас, когда мне стукнуло двадцать пять, случившееся начинает напоминать череду поворотов не туда и упущенных возможностей. Я сворачивала влево, когда нужно было вправо. Делала зиг, когда нужно было делать заг.

Я застилаю постель и запихиваю простыни на дно тележки. Слышу звук открывающейся двери, и Майя выходит в коридор за полотенцем или шампунем с ароматом банана и гибискуса.

— Как думаешь, может, мне сделать для этих засранцев приветственные фигурки из полотенец в виде члена? — говорю ей я. — Знаю, что обычно делают лебедей, но учитывая их пристрастия...

Позади меня кто-то откашливается, и я выпрямляюсь и вижу стоящих в коридоре мужчину в цветастой гавайской рубашке и женщину в платье в тон. В их руках «Май Тай»*, а лица красны — то ли от смущения, то ли от загара, то или от того и другого сразу, и я слабо улыбаюсь им.

— Алоха?

Час спустя я стою на парковке отеля «Халеакала» в своих обрезанных шортах и футболке, потому что моя униформа и бейджик с именем остались у босса — ну, теперь бывшего босса — мистера Чена, и хотя следовало бы начать паниковать, вместо этого я подставляю лицо солнцу и улыбаюсь.

Больше никаких простыней. Больше никаких полотенец. Больше никаких «случайных» прикосновений к моей заднице. Я хотела уволиться еще месяц назад, но

* Алкогольный коктейль на основе рома (*прим. пер.*).

Безрассудные девушки

в том, что мне не оставили выбора, тоже есть своя свобода. Я не виновата, что Сандерсоны вернулись в номер именно в тот момент. Как минимум не моя вина, что они оставили все свои игрушки на кровати.

И я не виновата, что меня уволили.

Теперь дело за малым — надо сказать об этом Нико.